

18+

МАТРОЦА ПРОКОФЬЕВА

СОПРАНО ФЛЕЙТА

ОРАТОРИЯ В ПРОЗЕ

Матрона Прокофьева

Сопрано и флейта.

Оратория в прозе

«Издательские решения»

Прокофьева М.

Сопрано и флейта. Оратория в прозе / М. Прокофьева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-608030-0

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Что
происходит, если выйти из кружевных кулис бутафорской жизни. Откровения
оперной певицы. Страсти и не только... Кто должен любить сильнее: мужчина
или женщина? Вы все узнаете... Книга содержит нецензурную брань.**

ISBN 978-5-00-608030-0

© Прокофьева М.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	15
Глава четвертая	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сопрано и флейта Оратория в прозе

Матрона Прокофьева

Данная книга является художественным произведением, не призывает к употреблению наркотиков, алкоголя и сигарет и не пропагандирует их. Книга содержит изобразительные описания противоправных действий, но такие описания являются художественным, образным и творческим замыслом, не являются призывом к совершению запрещенных действий. Автор осуждает употребление наркотиков, алкоголя и сигарет. Пожалуйста, обратитесь к врачу для получения помощи и борьбы с зависимостью.

© Матрона Прокофьева, 2023

ISBN 978-5-0060-8030-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Глава первая

Плохо прилегающие щетки размазывали грязную жижу, летевшую на лобовое стекло не нового автомобиля-внедорожника с мартовского московского асфальта. Тусклые придорожные фонари расплывались на полосках воды, оставляемых «дворниками», плоскими тусклыми звездами, как с детских аппликаций. В машине сидели двое: мужчина и женщина. Мужчина был похож почти один в один на американского актера, главного персонажа фильма «Пианист», он улыбался, скорее даже если бы не его природная интеллигентность, которая не позволяла ему этого сделать, можно было бы сказать, что он ухмылялся с некоторой степенью самодовольства. Женщина, сидящая рядом с ним, была роскошна, правда, не по представлению середины нулевых годов, а лет этак на сто раньше. Распущенные белые длинные волосы, начесанные в пышную гриву, правильные черты лица, высокая грудь выдавали, несомненно, породу, ведущуюся незримым образом от Клеопатры и Елены Прекрасной, породу смертельную для окружающих, попавших так или иначе в круг достижения их влияния. Все соприкоснувшиеся с ними должны были подчиниться или исчезнуть, погибнуть или испариться. Глаза женщины, если бы удалось заглянуть в них при освещении более достойном, чем в данный момент, например, в свете софитов, оказались бы радикально зеленого цвета. Но сейчас их лучезарный цвет был не виден, так как она вытирала согнутым указательным пальцем слезы, собирающиеся в их уголках.

– Зуфар, я не понимаю, как это получилось... мы с тобой прожили почти семь лет – и ничего. А сегодня я узнаю, что я беременна. Да, ты мой муж, но я люблю тебя как брата, я люблю тебя как человека. Но я не люблю тебя как мужчину! Я не понимаю, когда и как это произошло? Мы же почти не занимались любовью, а если это случилось, мы всегда прерывались перед окончанием. Ты хороший человек, хороший врач, но почему именно сейчас? – продолжая вытирать слезы, спрашивала женщина.

– Люба! – мужчина не отрываясь смотрел на дорогу. – Ребенок – это прекрасно! Я так давно мечтал...

– Мы живем в двухкомнатной квартире с мамой в Новогиреево! Нам и кроватку ставить некуда! Что, пианино выбросим? – Люба боялась, что у нее начнется приступ агрессии к совершенно невинному человеку. – Я же тебе сказала, что встретила и полюбила человека, что теперь делать?

– Ты можешь любить кого угодно, жить с тобой все равно никто кроме меня не сможет... – мужчина был удивительно невозмутим. – Родится ребенок, у нас есть фамильный дом в горах, я его продам, купим квартиру... Тебе нельзя волноваться.

– Поражаюсь твоему спокойствию... маме пока ничего не говори...

Всю дальнейшую дорогу они ехали молча, молча поднялись на четвертый этаж пятиэтажки, Люба приняла горячую ванну, а когда вышла, Зуфар уже спал, завернувшись в свое одеяло на раскладном диване. За дверью в соседнюю комнату спала мама, тяжело ворочаясь во сне. Голова Зуфара практически упиралась в ее ноги, только тонкая перегородка мешала это сделать. Люба завернулась в свое одеяло и уснула. Она не любила проблемы и тяжелые мысли. Ее бурная натура и представление о собственной исключительности не позволяли ей хандрить.

Нужно сказать, что у Любы была особенная профессия. Она была оперная певица, работала в одном из московских немногочисленных музыкальных театров, но, главных ролей не получала. Обладая природным уникальным голосом, но взбалмошным характером и не имея музыкального образования, на авансцену, где могли разглядеть ее зеленые глаза,

пробиться было трудно. Да, может быть, и не в этом было дело. В театре, в котором ей довелось служить, художественным руководителем был человек, который не любил примадонн, может, просто не очень любил женщин. Без раболепства, преданного заглядывания в глаза и беспрекословного послушания ничего добиться было нельзя. Его любимым занятием было вытащить человека из хора, дать ему разучивать партию, а перед премьерой затолкать его обратно на антресоли. Этого Люба никак не могла себе позволить. Да и не без оснований. Ждать было совсем не в ее характере. Она не могла ждать ни минуты, никогда и ничего! Даже в очереди в женский туалет стоять она не могла, шла в мужской. А тут сиди на собраниях, слушай иностранные речи, любезничай с ненавистными конкурентками – совершенно невозможно. Люба по характеру была больше дагестанка, чем ее муж. Особенно вспоминая пословицу: «Если гора не идет к Магомеду, то Магомед пойдет к горе», трудно было бы представить двух более чем несовместимых людей. Зуфар, талантливый зубной врач из интеллигентной семьи старинного дагестанского рода, отличался совершеннейшей неорганизованностью. Он мог проспать свою смену, потерять только что изготовленную челюсть пациента, приехать не в ту клинику (поскольку своей практикой он так никогда и не обзавелся) или ввязаться в совершенно не свойственную для него историю: открыть ресторан на привокзальной площади в строительном вагончике или финансировать открытие строительного рынка. Особенно потешно было, когда он на свадьбе в родной Махачкале влип в драку и ему сломали челюсть... Отложенная благодарность от расстроенных пациентов. Зато, в отличие от Любы, он играл Шопена на фортепиано. Люба же во время обучения в ГИТИС выучила всего одну композицию про «сурка»: «По дальним странам я бродил, и мой сурок со мною» – да так и проиграла ее все пять лет на всех экзаменах, до самого окончания.

Хотя, несмотря на это, она получала все главные роли в курсовых спектаклях, в дипломной постановке, выигрывала какие-то конкурсы, что прогнозируемо предвещало ей блестящую карьеру. Не сложилось. По ряду причин, поэтому она решила в какой-то момент действовать самостоятельно. Этого, несомненно, следовало ожидать, потому что Люба всегда действовала быстрее, чем думала. Нам всем наверняка приходилось встречать людей, чаще всего женщин, которые могли говорить и думать одновременно. Люба превосходила их всех многократно! «Делать, потом не думать» – таков был ее девиз. Ее решительность зачастую приводила к положительным результатам, она тараном проламывала почти любое сопротивление! Но как из этого становится ясно, и велика была опасность расширить себе голову в очередной авантюре. Что ж, в какой-то момент ее и осенило: «Буду сама организовывать себе концерты и сама в них петь». В логике не откажешь. Сказано – сделано. Первый опыт их проведения она приобрела, еще будучи студенткой. Со своим сокурсником они снимали зал в Пушкинском музее и заманивали туда иностранных туристов. Время для классической музыки было тяжелое, участвовать в подработке соглашались и звезды. Так Люба познакомилась с Зурабом Соткилаевой, Еленой Образцовой, да и прочие ведущие солисты оперных театров Москвы не гнушались заработать по двести долларов за пару арий. Это был конец девяностых, время «жирных» бюджетов еще не наступило. Успех в малом порождает надежды на успех в большем, не гарантирует, конечно, но вселяет уверенность. Для натур пробивных, коей, несомненно, являлась Люба, эта легкость зарабатывания денег внушила на всю жизнь убежденность, что именно концерт – ее призвание. Не желая понимать, что сам по себе концерт является результативным пиком предыдущих заслуг, которых у нее не было, она с настойчивостью, достойной лучшего применения, решила посвятить себя именно этой деятельности. Примерно за год до начала описываемых событий она поняла, что ей нужен партнер, желательно финансовый, но и практичный подойдет. Такой счетовод-организатор. Скукотищу с цифрами, планами и прочей нудятиной Люба органически не переносила. Тут-то партнер и подвернулся... Им оказался винницкий еврей, живший в Лондоне, но малодушно удравший от жены в Москву, с греческим именем и украинской фамилией. Назовем его Александр. Или Саня... Шурой не будем, не кошерно...

Больше всего на свете Саня любил женщин и чужие деньги... Поскольку от природы он был наделен недюжинным умом и творческими способностями, но совершенно комичной внешностью, то, чтобы добиться расположения женщин, ему приходилось впихивать себя в им же придуманные проекты на роль их же продюсера, принимать женщин на работу и, пользуясь служебным положением, соблазнять. Кем только Саня не был: участь в университете, он читал лекции по атеизму, был членом клуба юмористов и команды КВН, после окончания остался на кафедре, защитил кандидатскую диссертацию по теме «почвоведение» в Академии Наук Башкирской АССР, он избирался депутатом в местный совет, снимал телепередачу, открыл консалтинговую компанию, уехал жить в Лондон с женой и дочерью, купил там дом (если здание площадью сорок квадратных метров можно назвать домом), удрал из Лондона, оставив дом жене, и в тот момент, когда Люба начала искать себе менеджера, Саня усиленно искал себе новую жену, прикидываясь писателем. Для этого он оборачивал шею в несколько раз чьим-то забытым у него на вешалке вытянутым шарфом и томно курил, прищуривая глаза... Правда, красивые женщины попадали в его объятия редко, ибо автоматически срабатывали внутренние противоречия. Готовый было вспыхнуть огонь любви в его большом еврейском сердце неминуемо продувал холодок предполагаемых затрат. Между женщинами и деньгами (красивые таки всегда дороже обходятся) Саня предсказуемо выбирал середину. Недорогих женщин. Его несомненным даром были красноречие и обаяние (пока он не начинал говорить о деньгах), дар рассказчика его заключался в том, что он умел подмечать и описывать самые, казалось бы, незначительные детали, особенно когда он намечал себе очередную жертву для вытягивания денег (это касательно мужчин, альфонсом он не был, надо отдать должное). Человек он, как и Люба, был деятельный, только всеядный, если Люба была заточена только на себе, то Александр прекрасно понимал, что это будет выглядеть комично, поэтому тянул «одеяло на себя» довольно скрытно. На момент знакомства с Любой он работал в британской консалтинговой компании, снимал квартиру недалеко от старого Арбата. Целыми днями шарился в тогда только появившихся социальных сетях, на сайтах знакомств с целью если не жениться, так кого-нибудь трахнуть. Их компания консультировала тогда какой-то металлургический завод, наш почвовед ездил туда, дул ноздри своего выдающегося носа, оттопыривал всегда красные, как рога марала, уши и вешал с видом человека, выросшего у прокатного стана, о перспективах развития российской металлургии. Тогда консалтинг был в моде, денег в стране много и шарлатанство подобного типа хорошо оплачивалось. Хотя было, конечно, очень скучно. Не желая разбираться в тонкостях диаграммы железо-углерод, наш друг решил потренироваться игре на пианино. Нужно сказать, что неоконченные четыре класса винницкой музыкальной школы давали для этого все необходимые предпосылки, так же как диссертация о кислотности почв позволяла консультировать всех: от животноводов до фармацевтов. В число его консультируемых жертв попал и какой-то производитель бюстгальтеров из Германии. В результате длительных исследований, создания фокус-групп, куда он лично отбирал кандидатов, они пришли к выводу, что наиболее распространенными размерами женской груди в Российской Федерации являются второй и третий, что, несомненно, можно было отнести к выдающимся научным результатам, подтвержденным неким гонораром. Для убедительности Саня поднимал две руки, растопыривал пальцы на разную ширину и говорил:

– Второй и третий, сам замерял!

Так вот, шарясь по сайтам знакомств, будучи человеком многоплановым, он наткнулся на объявление: «Даю уроки игры на фортепиано» и подпись каким-то толстовским именем – Наталья Львовна. Воображение Александра вознесло его чуть ли не к портрету Натальи Гончаровой или как минимум Болконской. Всенепременной представлялся тонкий стан, высокая грудь, грациозная шея и многоэтажная прическа. Наталья Львовна оказалась маленькой серой мышкой с хвостиком, интеллигентской московской юридической и отсутствием сексуальности. Если бы Сашок знал, что у нее четырехкомнатная квартира на Чистых прудах,

может быть, он смотрел бы на нее другими глазами. Но... пошлепав без удовольствия по клавишам, заведя каким-то образом разговор о специфике концертной деятельности (дело в том, что давным-давно, еще живя в Уфе, Саня решил, что увлекается концертами фортепианной музыки, это очень подходило для имиджа), скорее чтобы выпроводить бесполезного преподавателя, он неожиданно получил предложение от Натальи Львовны познакомить его с Любой, преподавателем ГИТИСа, которая, как раз этой темой и занималась. Так, скучный урок музыки определил судьбу целой группы людей разного возраста на десятилетия вперед. Встретились Александр с Любой в кафе «Кофемания» на Никитской. Когда он ее увидел, у него в животе не бабочки запорхали, а два жука-скарабея покатали шары по толстому кишечнику.

«Б... ть, – подумал Саня, – это она...»

Все сходилось: красивая, видная, похожа на оперную певицу... и еще и есть оперная певица... Главное – не спугнуть. Этот час первой встречи вдохновленный скарабеями наш многостаночник был осторожен в выражениях и высокопарен в прогнозах! Он предрекал их творческому союзу феноменальное будущее, продюсирование звезд первой величины и лучшие концертные площадки! Тут, надо сказать, он попал в точку... Его прожекты по масштабам совпадали с Любиными, только с одним отличием: он в них не верил, а Люба не сомневалась. В общем, знакомство удалось... Они договорились встретиться еще раз, уже в ближайшее время.

Следующую встречу Саня готовил заранее... Обстоятельно и продуманно. Он предложил Любе встретиться у него дома... Когда он открыл дверь, Люба чуть не расхохоталась. Саня стоял в фартуке, у рубашки были закатаны рукава, на ногах были туфли. Из-за спины этого лондонского денди тянуло бараньим бульоном. Любе стало очень весело.

– Хинкал готовите, Александр? – заходя в прихожую, спросила Люба. – Тапочки есть у вас?

– Может, в туфлях останетесь? – оторопело спросил Саня, он явно был не готов к такому сценарию. – Почему хинкал?

– У меня муж дагестанец, – разрушая намеченную атмосферу томного вечера, ответила Люба, – хинкал часто кушаем, поэтому и спросила, спасибо за тапки...

Нужно сказать, что Люба научилась отшивать за многие годы с момента ее раннего взросления по сей день похотливых особ. Ее сильная глубокая сексуальность еще не вырвалась наружу и не обрушилась на какого-нибудь несчастного счастливого, все это еще только предстояло. Александр явно не подходил на роль такого субъекта. Одним своим переобучением она отправила все похотливые планы будущего партнера на дальнюю дистанцию. Ну, он был готов терпеть... Уж очень сильно она подходила ему на роль предполагаемой будущей жены... Он уже и представлял завистливые взгляды друзей и знакомых при их появлении. Надо сказать, что все пошло не совсем так, вернее, совсем не так, как представлял себе Саня...

Глава вторая

С ходу бастион взять не получилось, и Саня приступил к осаде. Совместно с Любой они организовали компанию с нежным названием «Музыкальная гостиная». Теперь они были почти неразлучны. Чуть не каждый день они ходили по встречам с разными представителями тогдашней бизнес-элиты. Саня начинал разговор, потом подключалась Люба! Как уже говорилось, ждать она не могла совсем, поэтому вступала, несмотря на все мольбы Сани, тогда, когда считала нужным. Это, кстати, относилось и к ее профессиональной деятельности. Запеть на пару тактов раньше было для Любы в порядке вещей. Дирижеры ее опасались, поэтому заранее показывали глазами: «Я тебе отдельно кивну, молчи пока». Александр не пользовался авторитетом дирижера, как, собственно, и никто из людей на земле, попадавших ей на пути. Кроме, может быть, ее учителя Анисимова, корифея советской оперетты. Совместные походы по многочисленным кафешкам и ресторанам в центре Москвы на данном этапе очень устраивали Саню. Одна из частей его проекта по зарканиванию Любы состоялась. Их видели вместе и спрашивали: «Это кто?» Саня многозначительно улыбался, делал легкое движение головой, что-то среднее между кивком и мотанием в сторону, и обстоятельно смотрел в глаза собеседнику, мол, неужели не догадываешься? Он познакомил Любу со всеми друзьями, родственниками, даже с мамой. Друзья, видя долгосрочное их совместное передвижение, спрашивали прямо:

– Сань, ну, ты ее уже того, чирикнул?

– Нет... – с явным неудовольствием отвечал он.

Его лицо делалось кисло-презренным. Дурни похотливые. Речь идет об искусстве. Планов своих он, конечно, не выдавал, да и никто особо его и не подозревал в желании жениться, было это как-то нелепо предполагать. Все друзья его на тот момент были женаты, некоторые не по одному разу, и предполагать, что кто-то ищет себе именно жену, не приходило и в голову. Дела же компаньонов, как ни удивительно при таком альянсе, начали двигаться. Саня мастерски рисовал бюджеты, диаграммы роста доходов, Люба темпераментно убеждала всех, что важнейшим из искусств является опера, применяя перед началом встречи неопровержимый аргумент: заходя в помещение, она оглядывала потолок и стены и с непререкаемым видом выдавала фразу: «Интересно, какая здесь акустика?» – после этого во всю мощь своих луженых связок выдавала фиоритуру в удобном ей диапазоне. Если кто-то имел счастье слышать сопрано с природно поставленным голосом в метре от своего уха, имеет представление о производимом эффекте. От неожиданности может смести со стула. Это производило нокаутирующий эффект. Люди исподволь начинали понимать, почему залы так неистово аплодируют по окончании оперного спектакля. Все становились рады, что все кончилось... и можно идти в гардероб. Но это в театре... Из кабинета так просто эта парочка выйти дать не могла. Чем-то они напоминали приодевших лису Алису с котом Базилио. Так что некоторых удавалось уговорить. Концерты они проводили в московских усадьбах, придавая мероприятиям натянутый лоск. Нужно сказать, что почти всем зрителям нравилось. Музыканты были высококлассные, певцы – лучшие солисты своих театров, качество было очень высоким. Саня натужно пытался руководить процессом. Люба во всю силу своего взбалмошного характера стремилась этот процесс разрушить. На этой почве каждый концерт проходил для них в исключительно нервной обстановке с полным приложением сил. Ругались они беспощадно. Хотя называли друг друга исключительно на «вы». Оба были, да и есть, исключительно настырны в достижении своих «хотелок», поэтому после долгих препирательств Сане приходилось уступать, ибо Люба всегда шла олл-ин. У нее такое жизненное кредо: в спорной ситуации ставить на кон все. Не считаясь с перспективой, что все же можно и потерять. Мстил Саня по-еврейски. Он обсчитывал Любу. Благодаря тому, что ей было очень скучно проверять таблицы с дебетом-кредитом, он просто

ее дурил. С каждого концерта он брал себе десять тысяч долларов, а Любе давал три. Так вот он понимал работу компаньонов пятьдесят на пятьдесят. Он же тоже художник, он так видел! Деньги он обналачивал у своего друга Марка. У того был небольшой, но достаточно доходный бизнес, связанный с интерьером, собственное производство и офис на Зубовском бульваре. Семья Марка жила в Германии, а сам он мотался туда-обратно, как на вахту, по две недели. Они были знакомы со студенческих времен, хотя учились в разных институтах. Связывало их кавээновское прошлое. Вместе в далеком 1988 году ездили выступать под эгидой башкирского сельхозинститута в Москву. Где их безжалостно вывели на команду МГУ и опустили на задницу самым тривиальным способом. Вырезали в трансляции все заключительные фразы. Зрители плевали им вслед, когда они вернулись в Уфу, позор был неизгладимым. Марка впечатлило во время поездки и совместного похода в буфет, что у Александра деньги хранились в кошельке на защелочке, который он почтительно разглядывал перед тем, как достать оттуда рубль. У всех остальных в обычной жизни деньги хранились просто в кармане. Потом им довелось готовить вместе закуски к выпивке после репетиции, и оба сошлись на том, что нужно придать пьянке некую эстетику: решили делать канапе из черного хлеба, шпротного паштета и костромского сыра. На этом и сдружились. Приятельствовали в Уфе, пока Саня защищал диссертацию, а Марк «бизнесил», пытались совместно заработать денег, поругались, Александр уехал в Лондон, Марк в Берлин, и оба вернулись в Москву, найдя веские причины оставить жен с детьми в благословенных странах, а самим рвануть на свободу. Москва тогда сильно к этому располагала. Такая жизнь на две страны приятелей очень устраивала, чего не скажешь об их женах. Обоим приходилось выкручиваться... Они были ровесники, выходцы из одной среды и культуры, можно сказать, жили оба недалеко от Арбата на съемных квартирах, и интересы на тему женского пола и легкой выпивки по любому поводу сильно их сближали. Дружба их раскололась об Любу, но об этом позже. В данный момент им было чуть за сорок, заработки позволяли вести веселую жизнь, и они не гнушались этим пользоваться. В описываемый момент оба были влюблены, что не мешало Сане искать жену, так как его избранница не собиралась выходить за него замуж. А Марк вообще не рассматривал возможности круто менять свою жизнь, просто не было в планах. За подобную легкомысленность впоследствии пришлось тяжело расплачиваться, законы сохранения работают везде и неумолимо. За все приходится в жизни платить. К сожалению, это вовсе не банальность, а суровая правда жизни.

Санина избранница была из города Минска, у нее была своя юридическая компания, густые черные волосы и высокая грудь. Познакомился он с ней в ресторане «Петрович», гнезде тогдашней московской интеллигенции либерального толка. Она была одной из немногих красивых женщин, которую Сане удалось затащить в свою постель. Предполагается, что она одаривала нечастой близостью нашего героя исключительно из-за возможности проживать на его жилплощади. Причем, приезжая в Москву, она зачастую притаскивала с собой своего друга, тоже минчанина, который считался колдуном. Колдун был явно необразован, лыс, мускулист и уверен в себе. Наташа, так звали возлюбленную Александра, беспрекословно слушалась колдуна, раболепно смотрела в глаза и бегом выполняла любую его команду. Влюбленный Саня усиленно этого не хотел замечать, хотя все говорило о том, что истинную страсть знойная минчанка выливали именно на этого субъекта.

Марк же был абсолютно, по уши влюблен в практически свой идеал женщины. Высокая, стройная, легкая, длинноногая, интеллектуалка, знающая несколько языков, с блестящим образованием и мягким характером. Настоящая горожанка, москвичка в хорошем смысле этого слова. До этого он не позволял себе заводить романов, зная, чем это может обернуться. Но тут не справился с собой... Затянуло, как в омут. Омут был в карих, с лукавым прищуром глазах, в непринужденной изысканности, которую она органично демонстрировала, не обращая на это внимания, в мгновенной реакции на происходящее и в умении делать сотню

дел одновременно, ничего и никого не забывая. Марка с Аней свела работа в одном здании, на том же Зубовском бульваре. После обмена телефонами Марк, недолго думая, пригласил ее на ужин. В тот же ресторан «Петрович», якобы по делу. Ничего не подозревавшая девушка пришла, предполагая, что это деловая встреча, и была несколько удивлена вдруг рассыпавшемуся в комплиментах своему новому знакомому. Марка же несло, как парусник, пойманный ветер. Паруса надулись, такелаж пришел в готовность, пронеслась команда: «Свисать всех наверх!» Якорная цепь оборвалась, налететь на рифы осталось лишь делом времени... Корабль проскочил мимо нужной гавани, со всего размаха пробил днище и чуть не затонул. Но это позже... А в тот момент у него вдруг проснулась страсть к эпистолярному жанру. С первой встречи Аня ушла быстро, сославшись на то, что муж придет с работы, нужно быть дома. Когда шпангоуты крепки, что может остановить судно, отчалившее от берега в неизвестном направлении? Да ничего... Подумаешь, муж... Когда же с самим тобой обратятся подобным образом, то ничего приятного в этом, оказывается, нет. За все приходится платить.

Марк засыпал Аню бесконечными эссе, ее электронный почтовый ящик был забит как бы отвлеченными от темы, но недвусмысленными повествованиями о чувствах, которые некий мужчина должен испытывать к такой женщине, как она... Нужно заметить, что вдохновение Марка подпитывалось поощрением его визави к подобным письмам. Хотя откровенную симпатию она не демонстрировала, но, видимо, по доброте душевной хвалила вдруг откуда ни возьмись проявившуюся тягу к сочинительству.

«Сорокин отдыхает», – написала она ему как-то между делом. Ответы ее были весьма лаконичны... Сорокин тогда был в моде, это была высшая похвала... Хвалить людей всегда нужно, но и не забывать о последствиях. Последствия могут быть непредсказуемыми. Марк собрался с духом и написал письмо почти эротического содержания, правда, отвлеченно, как некий мужчина медленно гладит по обнаженной спине женщину и что происходит с ней в этот момент... причем растянул это на две страницы... Письмо, видимо, попало в точку... На далеком горизонте мелькнул свет маяка, корабль болтало по волнам, но направление движения стало определенным... Телефон брынькнул, пришло СМС: «А у меня завтра... в Лондон уезжает на несколько дней...» – мачта корабля изогнулась от нового порыва ветра. Маяк уже не пропадал с горизонта. Уже на следующий день Марк сидел в самолете и летел в Москву. Всем сказал, что нужно срочно по делам...

Гостиница, куда поселился Марк, была недалеко от Аниного дома, она пришла пешком. Он сидел в ресторане внизу и пил пиво... Она села напротив, разговор не очень клеился. Переход с виртуального общения на живое требует некоего переключения, да и робел Марк серьезно, выпил мало и не совсем знал, как себя вести...

– Ты же в этой гостинице остановился? – спросила Аня, глядя ему в глаза совершенно уверенным взглядом.

– Да, в этой...

– Ну, долго мы здесь будем сидеть? – в ее голосе была решительность. Когда сомневаешься, нужно придать себе уверенности, никто твоих сомнений и не заметит... Через пару часов, лежа среди скомканных простыней, она сказала:

– Я подумала, если он так пишет, я хочу узнать, как же он это делает... – и погладила Марка по голове.

В этот роман Марк влетел без сомнений и рассуждений. Был теплый сентябрь, редкое в это время солнце отражалось сияющими бликами в витринах, как и его собственная довольная физиономия. Он впервые за много лет позволил себе такое. Обычно он уклонялся от серьезных отношений, не давал волю чувствам, хорошо понимая, во что это может вылиться. Можно переломать судьбы, как себе, так и всем окружающим. Но это был не тот случай... Пожелтевшие листья, осыпающиеся с деревьев и подхватываемые легким ветерком, совершенно не представляли, какой танец они затеют через минуту. Так и сознания этих двоих,

слившихся в неожиданном для них порыве, кружили по волне этого момента, не задумываясь о том, что будет дальше... Просто наслаждались друг другом, полагая, что заслужили этот праздник. Это был сентябрь их жизни, ранняя осень их возраста, счастливый момент созерцания и неготовности к переменам. Это было, конечно, несколько самонадеянно, но очень здорово. Многочисленные московские кафе были их приютом, отели местом слияния, письма – плотиками откровения, плившими по реке сокрытия своих чувств от семейных будней. Прокальвались они, конечно, не без этого... У Ани на животе была татуировка, ловко скрывающая шрам от аппендицита. Маленькая изогнутая ящерица... Однажды, бродя по блошиному рынку в Берлине, Марк увидел точно такую же, только из бронзы. Она была как натурщица для скульптора, сумевшая надолго застыть в неудобной позе, стоя на широко расставленных четырех лапах, как застывшая волна, от головы к хвосту, вызывающе напрягалась и моментально вызвала у Марка изгибы восхитительного Аниного тела, осиную талию и виолончельные бедра. Хотя сама она жестко отзывалась о своей фигуре (говорила: «Жопа – как чемодан!»), это никак не останавливало непрерывного желанья Марка гладить ее именно по этим самым бедрам. Возбуждаться, глядя на бронзовую ящерицу... Это было что-то новое. Земноводное было куплено, доставлено в Москву, и после нескольких часов в отеле, куда они направлялись всякий раз, встретившись после разлуки, измотавши предварительно друг друга до изнеможения, откинувшись на постели, Марк достал сувенир и поставил лежащей на спине Ане прямо на живот, туда, где уже была одна... От неожиданности она вскрикнула, ящерица была холодная, прикосновение к разгоряченному от любовных упражнений животу оказалось не очень приятным...

– Что это? – Аня подняла голову с подушки, наклонившись в сторону низа живота, и замерла, как будто делала упражнение на пресс. В глазах ее было недоумение, ей на миг показалось, что ей притащили в качестве сувенира живого тритона!

– Подарок, – Марк не ожидал такой реакции.

– Напугал меня... Ладно мне собираться нужно...

– Когда увидимся?

– Завтра не могу, через день... Слушай, мы долго по отелям будем скитаться? Может, снимешь квартиру уже где-нибудь? Будет у нас свое гнездышко, – она обернула вокруг шеи какой-то воздушный платок, чмокнула Марка в щеку, небрежно засунула сувенир в сумку, – можешь не провожать, устал, вижу, – озорно улыбнулась и выпорхнула в коридор отеля, оставив обессиленного и счастливого укротителя ящериц лежать на широченной кровати.

Она неожиданно позвонила на следующее утро:

– Привет. Знаешь, что натворила твоя ящерица?

Странный вопрос. Что же могла сделать такого бронзовая безделушка...

– Вот, слушай... Я, когда пришла домой, поставила твою животинку на стеклянную тумбочку возле кровати. Было еще светло, дома никого не было, она так незаметно вписалась среди моих безделушек, будто там и жила. Мимикрировала, можно сказать. А в этой чертовой этажерке есть лампочки, типа для уюта. Но никто почти никогда не включал эту идиотскую подсветку! И надо же такому случиться, что именно в этот вечер, да, уже почти ночью, я, можно сказать, спала, и «этому» вдруг сподобилось поиграть в романтику, и он включил интимное освещение...

– Та-а-ак...

– Ничего не так! Ничего не так!!!! Какой, к черту, интим! Когда вдруг на половину потолка высветилось гигантское чудовище размером с аллигатора! Твоя ящерица отбросила такую тень, что у него глаза на лоб полезли! Она превратилась в монстра в постельном освещении! Весь вечер был сплошной допрос! Он схватил эту железяку и хотел открутить ей голову или мне! Что? Откуда? Почему стоит у кровати? Я еле отбоярилась... Помнишь, ты мне письмо

написал и засунул в букет? Ну, где ты рассыпался в комплиментах, он и так начал меня подозревать. Теперь еще и крокодил этот...

– Ну, прости... – Марку очень хотелось заржать. Он живо представил эту сцену из театра теней. Аню было жалко, она серьезно сердилась, но смеяться хотелось сильнее. Чертова натура...

Искупать вину пришлось уже в новой квартире, которая нашлась удивительно быстро. Небольшая студия со спальней... В центре города. Возле зоопарка. Все бы хорошо, только по ночам сильно слон кричал... Аня приходила по утрам, перед работой, раздевалась, ныряла под одеяло и прижималась всем телом, холодная, как та злополучная ящерица, которую он ей самой догадался поставить на живот.

– Гладь меня, – шептала она ему в ухо, – у тебя волшебные руки, всегда теплые.

Да, была у Марка такая наследственная способность, доставшаяся от прабабушки, перчатки ему зимой нужны не были. Он прижимал ее к себе, одну руку просовывал под талию и клал на низ спины, другую запускал в волосы на затылке и начинал медленно сжимать и разжимать шею, плечи, перебирать позвонки. Особенно ему нравилось слышать, как она начинала сопеть ему в ухо, согреваясь и возбуждаясь. Он перебирал пальцами каждый сантиметр ее тела, слушая, как начинает оно отзываться его призыву. Руки как бы начинали видеть, они искали точки и глубину прикосновения, на которое послушное Анино тело отзывалось усиленным сопением и легким движением навстречу, и начинали бережно раскрывать, распечатывать этот отклик, то сжимая, то поглаживая, то отпуская... Он делал так до тех пор, пока она рефлекторно не обвивала его ногу своими длинными и не начинала прижиматься к ней низом своего живота, так, как будто хотела по столбу залезть наверх и поменять сгоревшую лампочку. В этот момент она вытягивалась в струну, прижималась грудью и крепко обнимала руками.

«Согрелась», – думал Марк, хотя, честно сказать, думать в этот момент у него не было уже никакой способности, ласки становились такими бурными, что доводили до исступления. Наслаждение от прикосновения, помноженное на неожиданно возникшие чувства, позволяло в этот момент позабыть и про обязательства, и про перспективы, и про ответственность. Все растворялось в этом слиянии, без остатка, без сомнения, без альтернативы... В какой-то момент, когда уже была зима и утренний поздний рассвет делал несколько нелепым их лежание на постели, Аня сидела, опершись спиной на подложенную к спинке кровати подушку, и курила тонкую сигарету, Марк, сидя у нее в ногах, неожиданно для самого себя вдруг сказал:

– Я люблю тебя...

Нужно было видеть ее глаза... Что только не смешалось в них в тот момент... Зрачки стали вдруг совершенно темными, карие глаза превратились в два темных колодца. Что в них было? Скорее страх, недоумение, недоверие, может, даже жалость к нему, неразумному. Они как бы спрашивали: «Ты вообще понимаешь, что ты творишь? Ты соображаешь, что говоришь? Что мне теперь с этим счастьем делать?» Марку никогда не забыть этот взгляд. Длилось все не более нескольких мгновений, а осталось в памяти на всю жизнь. Она все понимала заранее, она знала, что момент упоения кончился, что слова имеют значение, что зря он это сказал. Так все в итоге и вышло. В отличие от Любы, которая пользовалась словом «любовь» как кайлом, молотила им направо и налево, Аня понимала, что это значит, и все знала наперед.

Глава третья

Как познакомились Люба с Марком? Ну, понятно, что их познакомил Саня, который любил Наташу из Белоруссии, а жениться хотел на Любе. Наташа не хотела замуж. За Саню. Может, за кого-нибудь хотела, а за Саню не хотела. А Саня всенепременно хотел жениться. Трудно найти такого дурака в наше время. Все почти мужики, которых я знаю, хотят развестись и быть как можно дальше от этого «сучьего» племени, мол, только случки (это они так говорят, не я), а вот Саня... В общем, Саня с Любой были почти неразлучны, каждый день они ходили, говорили, ходили, говорили, добивали «инвесторов» и в итоге доходились до того, что решили снять офис. Ничего лучшего Саня не придумал, как договориться с Марком, у которого был офис в центре, в котором он только что закончил ремонт. Дизайн делала Аня. Получилось очень красиво... Вот одну комнату и заняли наши лиса Люба и кот Саня. На роль Буратино, конечно, планировался Марк. Просто Люба еще этого не поняла, а Саня давно пользовался. В ресторанах всегда платил Марк, и это было очень удобно. Или Марк, или каждый сам за себя, если Марк не мог присоединиться. В общем, в один прекрасный момент Саня в очередной раз предложил «сходить в ресторан», они с Любой как раз приехали договариваться насчет офиса (Марк отдал им закуток в углу зала, бывшую кассу).

– Познакомься, это Люба, – ослабившись, произнес Александр. Умение им носить фальшивую улыбку не превзойдено еще никем из ныне живущих. Улыбка визиря, склонившего голову перед падишахом, себе на уме. Натягивал он ее себе на рот моментально, при первой необходимости. Как галстук-бабочку: хренак – и дирижер. Кстати, это тоже было... Люба была в синем платье ниже колен, подвязанном поясом, с пышной прической и в каких-то немислимых тупоносых чудовищных ботах коротких на толстом каблучке. Люба была вовсе не типажом Марка, тем более что явные ухаживания Сани за ней искренне его веселили в предвкушении какой-нибудь явно комической развязки. В общем, все было весело. Люба, как обычно, была абсолютно уверена в себе. Если у вас есть представление, даже самое гротескное, о том, как должна выглядеть оперная певица, так вот, так она и выглядела, так себя и вела. Примадонна, епть. Со стороны это было очень смешно. Люба не говорила, она вещала, проповедовала, несла истину заблудшим, знала ответ на все, даже не заданные вопросы. Не сомневалась ни в чем и никогда!

– У нас в семье, – сидя на диване напротив Марка, говорила Люба, после того как решили с офисом, – если война начнется, автомат я возьму. Хоть у нас и семья с мусульманскими традициями, на фронт я пойду.

– Какие же у вас, Люба, дома мусульманские традиции? – со скрытым ехидством в голосе спросил Александр. – Кумганом пользуетесь?

– Александр! – Люба холодно возмутилась. – Откуда вы такое слово знаете, – они были исключительно на «вы».

– Я же в Башкирии много лет прожил, вот и усвоил, – Александр прыскал в кулак, ему, видимо, стало очень смешно, представив Любу за исполнением этого обряда.

– Пойдемте ужинать, – предложил Марк. – Я приглашаю!

– Пойдем в «Пиросмани»? – Саня приободрился. – Сейчас, я только Зуфару позвоню, он с нами пойдет.

Зуфар – актер из Минска, которого Наташа притащила к Сане и поселила у него в квартире. Несмотря на то что его афишами на тот момент была увешана вся Москва, денег у него пока не было. Интересно, что его звали так же, как и мужа Любы, хотя тот был дагестанец, а этот – грузинский еврей. Всякий раз, когда кто-нибудь из компании говорил «Зуфар», Люба делала стойку: поднимала голову и трясла волосами, как бы закидывая их наверх.

– Пойдем, – сказал Марк, – а я тогда Марату позвоню, мы договаривались.

Марат был собственником всего здания, в котором происходили события. Казанский авторитет, с которым Марк подружился еще во время службы в армии в Уфе. Марат в это время был там в бегах. Честно сказать, Марат всегда был в бегах с короткими перерывами на то, чтобы посидеть в тюрьме или при подготовке очередной аферы, с восьмидесятых годов. Сначала за драку, потом за поддельную водку, потом векселя, авизо, недвижимость, рейдерство, мнимые банкротства, еще черт знает за что... Он и сейчас в бегах. На юбилей в шестьдесят лет Марк подарил ему значок: «Московский уголовный розыск. 60 лет». Натура уникальная... Будучи рожденным в интеллигентной профессорской семье, он с детства носил очки, да еще и ходил со скрипочкой в музыкальную школу. Чтобы выжить на казанской улице, ему пришлось сильно себя перестроить. Кстати, в тюрьме он был библиотекарем и перечитал все, что было доступно, даже то, что никто никогда не читал, с верхних стеллажей, обсыпанных многолетней лагерной пылью. Он обладал очень цепкой «вокальной» памятью. Это не значит, что он умел петь. Это значит, что он мог запомнить огромную массу слов, не всегда понимая их значения. Этим приемом в силу профессии виртуозно обладала Люба. Ну, если человек может выучить целую оперу на армянском языке, например. И ни слова не понимать, почему бы не выучить терминологию, например, строительную или банковскую. Умело вставляя слова в нужное время в нужное место, легко можно сойти и за специалиста в области кибернетики и геолога, да и еще черт знает кого.

Марату пришлось научиться драться, быть при необходимости свирепым и безжалостным, оставаясь в душе утонченным романтиком. Доминировать он начинал в любой компании, где оказывался, дожидаясь удобного момента и говорил, например, следующую фразу:

– Надо было ему коленку просверлить...

Пока собеседник приходил в себя от шока, он добавлял:

– Только сначала нужно пленкой пищевой обернуть, чтобы кровь не брызгала.

Те, кто его не знал, старались побыстрее свалить, кто хорошо знал, не обращали внимания, но это был не тот случай... За последние пять лет он написал три тысячи стихов, среди которых есть и просто шедевры. Но это сейчас, когда он уже в международном розыске, а тогда он был на очередном подъеме и нюхал кокаин. В общем, оказались они все в одном ресторане. Люба с ходу начала рассказывать, как она в Геликоне чего-то там куда-то там... С Маратом они сцепились еще до того, как у них приняли заказ, это была настоящая «любовь с первого взгляда», причем до сих пор рапиры они не убирают, полные презрения друг к другу, так и шипят друг на друга при встрече: один про коленки, другая про концерты в консерватории.

– Театр – это устаревшее говно... как хохлома, отрывка старого быта, безыформативная шняга. Какой смысл смотреть на ужимки престарелых педерастов, изображающих из себя мужчин и шлюх, изображающих честных жен или невинных целок, – было понятно, что Марату Люба не понравилась с первого взгляда. Так Павка Корчагин ненавидел буржуев, я говорю здесь про силу ненависти, а не про форму. Тут был явный перевертыш. Марат из интеллигентной семьи, волею судьбы ставший бандитом, и Люба, у которой отец был полковником КГБ (но она все время говорила, что он генерал), мама тоже образованием не блистала. А Люба присвоила себе облик «богемы», подчеркивая это при случае каким-нибудь кружевным зонтиком или немислимой шляпой. Оба они сразу поняли, что другой лишь играет роль того, кем пытается представиться! Столкновение несуразностей было неминуемо.

– Вы, Марат, видимо, в силу отсталости просто не способны воспринимать ни дух, ни мысль, которая подается со сцены! Раньше в оперу ходила только аристократия, по большому счету разночинцы могли попасть на галерку, да и то за счастье. Люди ходили с партитурами слушать оперу! – Люба налегла своей большой грудью на стол, почти так, что на нее можно было положить хачапури. – Арии из опер пели как популярные песни.

– Опера – это вообще недоразумение, ну какой мудака вместо того, чтобы сказать: «Принесите мне вина», – вдруг завоет дурным голосом с переливами: «Пиийиийинеаеаеаеанесива-

ите мнечаеиаеао вианаиаиаиа», – неожиданно высоким, достаточно противным голоском пропел Марат. (Хочу добавить, что такой переход на фальцет выдает казанских и уфимских уроженцев, причем и мужчин, и женщин. Феномен не изучен, не отвлекаюсь.)

У Марата зазвонил один из четырех выложенных на стол мобильных. Говорил по телефону он всегда резко и отрывисто:

– Да. Да. Да. Я извиняюсь, нужно уезжать, Марик, заплатишь за стол? Всем до свидания, приятно было познакомиться.

К столу подошли два автоматчика охраны Марата, он встал и вышел. Невысокого роста, кривоногий, точно монгольский хан. Все это время Саня внимательно изучал меню, ни разу не поднял головы и не сказал ни слова. Готовился, видимо, к изучению торы. Было ощущение, что патологический ужас, генетически передавшийся через погромы, сковал его плотные чресла. Он с облегчением поднял голову, посмотрел вслед Марату и, счастливо оглядев присутствующих оттого, что пронесло, спросил:

– Ну что, еду уже закажем?

Обстановка разрядилась, все зашумели, разговорились, Люба продолжала вещать, Марк болтал с Зуфаром... Того ждала краткосрочная слава и эпизодические роли в сериалах.

После ужина шли по улице под впечатлением от разговоров и вина. Люба с Александром шли впереди.

– Да, – сказал Зуфар, глядя в спину Любы, облаченную в большую, не по размеру норковую шубу. – Да... такие держат вилку в левой руке, а член сразу в двух...

«Интересно, – подумал себе Марк, – ну, тебе виднее, ты же тоже артист...»

В итоге вся компания добрела почему-то до отеля «Тбилиси», что напротив грузинского посольства. Расположились в холле, над головами торжественно нависала гигантская хрустальная люстра. Люба небрежно метнула шубу на стоящее рядом кресло.

– Вы в ГИТИСе преподаете? – спросил Марк, позвякивая кубиками льда в стакане с виски.

– Да, я старший преподаватель кафедры. Факультет музыкального театра. Недавно защитила кандидатскую диссертацию.

– Интересно, какая же тема? – Марк действительно недоумевал. Какие научные изыскания можно провести в области мюзикла. Он тогда не мог и предположить, что так непринужденно можно врать. Как можно было догадаться, что эта дама, такого статусного вида, врет всегда, всем и во всем...

– На тему звукоизвлечения. Зависимость извлекаемой тональности от построения связей.

– Так это же скорее медицинская тема, как ее раскрыть на кафедре вокала, может, вы студентов препарируете?

Люба, кажется, впервые за вечер удостоила Марка взглядом. После этого встала и неожиданно заголосила:

– Зи-и-и-и-и-я! – это было неожиданно и так громко, что возмущенно зазвенели висюльки на хрустальной люстре.

– А-о-а-о-а-а-а, – продолжала голосить Люба. Все в шоке замерли, это было невыносимо громко. На ресепшен зазвонил телефон. Видимо, у них с люстрой был один настрой.

– Извините, – с грузинским акцентом сказал портье, – жильцы жалуются, спать мешаете... Удовлетворенная произведенным эффектом Люба села в кресло, торжествуя и снисходительно поглядывая на свою компанию. Александр показал Марку глазами: «Понял, блин? Вот так вот...»

– Вызовите мне такси, – попросила Люба у опешившего администратора отеля. Вечер был окончен ее победой, она не сомневалась... Она вообще никогда ни в чем не сомневалась. Про диссертацию можно было забыть...

Глава четвертая

В офисе Марка в одном из углов закопошилась жизнь. Саня с Любой приняли на работу секретаря, девушку, которая все время ходила в заправленных в сапоги брюках и непрерывно пила кофе. Часть интерьера офиса по рекомендации Ани была оформлена под кафе на улице. Гостей своих партнеры принимали там. Надо сказать, что приходили и какие-то знаменитости. Казарновская была, Башмет один раз заходил, какие-то еще звезды классической музыкальной тусовки. Марк никого не знал, вежливо здоровался, когда вдруг оказывался в одно время с Любой в офисе. От Любы тянуло легкой еганутостью, поэтому он старался не особо приближаться к тому углу, где Люба несла свои грандиозные планы очередному попавшему в плен представителю богемы. Выглядели все они довольно потертыми. В жизни бы не догадался, что этот в обшарпанной дубленке и облезлой шапке мужчина преобразуется на сцене в красавца Хосе или аристократичного Онегина. Как и большинство людей, Марк остерегался незнакомых отраслей человеческой деятельности и их представителей. Недоостерегся, в конце концов. К тому моменту зима перевалила через новогодний праздник, его отношения с Аней подходили к логическому завершению, нельзя было ничего не решать, ни оставить все как есть, ни продвинуться вперед, и уж подавно откатить назад. Роман с Аней проломил у Марка установленную им самим скорлупу, оболочку правила, которому он следовал. Никаких серьезных отношений. Шастание на одноразовые встречи, девушки по вызову не считались в картине его мира изменой семейным традициям. Так было удобно. А тут... скорлупа разрушилась, а готовность вариться не появилась. Так бывает, когда опускаешь яйцо в кипяток, а оно треснет, и из него вытекает что-то, завивается в спираль и застывает. В итоге и яйцо недодарится, и то, что вытекло, становится совершенно несъедобным. А обратно не затолкаешь... встречи их становились все реже, Аня плакала, Марк мычал что-то неопределенное, все становилось в тягость... В один из январских темных дней, когда утро переходило в вечер так быстро, что день был и незаметен, в офисе оказались все трое: Саня, Люба и Марк.

– А поехали в «Маргариту», – предложил Саня.

«Маргарита» – кафе на Патриарших прудах, где часто бывали наши друзья. В то время Патрики еще не стали культовым местом, кафе находилось на углу Козихинского переулка, там стояло пианино, играл тапер и две скрипачки. Все были с консерваторским образованием, играли все, от классики до попсы. Гостям выдавали пустые пивные банки с монетами, которыми можно было греметь, когда очень нравилось или в такт музыке. Всегда было весело, было много иностранцев, невзирая на чудовищную еду. Мест практически никогда не было. Как всегда, Марку с Саней и их спутницей выделили-таки скамейку у входа. Скамейка была рассчитана на двоих, сидеть пришлось втроем, тесно прижавшись боками друг к другу. Люба была посредине. Заказали выпивку, Люба попросила компот. Алкоголь она не пила. Еду уже не давали. Между пианино и скрипачками посреди небольшого зала сидела компания, которой официанты оказывали усиленное внимание в перерывах между исполнениями, поэтому компот принесли сразу, видимо, было не жалко, а алкоголь приходилось ждать. Музыканты заиграли «Вижу чудное приволье...». Не сговариваясь Марк и Люба вступили со второй строчки «Ви-и-ижу горы и-и-и поля-а-а-а!» – и еще громче: «Это ру-у-уское раздо-олье, это Ро-одина ма-ая-а-а-а!»

Один из сидевших в большой компании, грузный мужчина с длинными засаленными волосами, обернулся и недовольно уставился на поющих через толстые линзы очков. Полные его губы были изогнуты в недовольной гримасе.

– О! Градский, – сказала Люба. – Он у нас с кафедры рояль украл.

Градский недовольно отвернулся, видимо, в его присутствии никому петь без разрешения не полагалось.

Музыка закончилась, принесли бутылку вина, и Люба, понизив голос, смеясь рассказала: – Он у нас на кафедре вокал преподавал. Чтобы ему удобней заниматься было, выписал себе на дачу рояль, заманивал туда студенток, портил им голоса. В итоге его с кафедры попросили, а рояль он так и не вернул... Марк! – Люба второй раз в жизни посмотрела на Марка как на действующего персонажа. – Вы знаете, что у вас голос есть? Вы почему вокалом не занимаетесь?

Марк несколько оторопел...

– А зачем? – он искренне не понимал суть вопроса.

– Такой голос один на сто тысяч человек дается, вы должны заниматься!

– Ну хорошо, – сказал Марк, – надо так надо, буду заниматься. Еще один гвоздь, на котором подвиснут следующие пятнадцать лет его жизни, был забит в стену судьбы. После этого вечера при каждой встрече Люба спрашивала у него:

– Ну, Марк! Когда начнете вокалом заниматься?

Марк отмахивался или отшучивался, принимая это за неудачное подшучивание. Хотя петь он любил сильно... Ему, несомненно, льстило предложение Любы.

Приближался конец февраля, день рождения Марка. Позвонил Саня:

– Привет! Сможешь завтра в ГИТИС подъехать на Таганку?

– Смогу, а в чем дело?

– Да... нужно один вопрос обсудить.

Ничего не подозревающий Марк приехал к довольно обшарпанному зданию, Александр уже без верхней одежды встречал его внизу у вахтера, они поднялись на второй этаж, прошли по коридору, уставленному лежащими на боку роялями (поступок Градского сразу перестал вызывать осуждение у Марка), зашли в небольшой кабинет, в котором не лежал, а стоял рояль, за которым сидела концертмейстер (как позже выяснилось, та самая Наталья Львовна, с которой все началось), в углу на обшарпанном кресле восседала Люба, царственно положив ногу на ногу и раскинув руки на подлокотники. На ней было довольно облегающее с блестками платье и короткая зеленая кофта тонкой вязки, завязанная на груди узлом. Саня хитро улыбался.

– Здравствуйте, Марк! – многозначительно произнесла Люба. На лицах всех троих читалось некоторое предвкушение. Даже Наталья Львовна хитровато поглядывала на него из-за рояля. Саня же лыбился во весь рот.

– Марик! – наконец наладившись паузой, произнес он. – В преддверии твоего дня рождения мы с Любой, – многозначительно и церемонно указавши рукой в ее сторону, произнес он, – мы решили сделать тебе небольшой подарок. Мы дарим тебе, – он сделал паузу, – урок вокала! – и застыл, наслаждаясь произведенным эффектом. Нужно сказать, что эффект получился. Марк несколько стушевался и, нарочито актерствуя, начал говорить:

– Прекрасная идея! Спасибо, друзья мои! Давайте будем считать, что урок прошел! Я получил пятерку и приглашаю всех в ресторан.

– Снимайте пиджак, – голосом, не терпящим возражений, произнесла поднявшаяся со своего трона Люба. Она явно была в своей тарелке. Несуразность происходящего ее явно не смущала. Марк, нехотя повинувшись, снял пиджак, повесил его на стоящую в углу треногую вешалку, оставшись в черной водолазке, и остановился посреди комнаты, не совсем понимая, что делать дальше.

– К инструменту подходите, смелее, – произнесла Люба, смакуя властность своего положения.

«Садисты, б-ть, – подумал Марк. – Это все Санек, сука, еще лыбится».

Саня действительно наслаждался моментом, не скрывая удовольствия.

– Давайте, Марк, повторяйте за мной: «А-о-а-о-о!» – Наталья Львовна послушно проиграла пять нот на клавишах. Марк молчал.

– Ну, Марк! А-о-а-о-о! – протянула Люба.

В этот раз пела она не так громко, как в отеле.

– А-о-а-о-о! – послушно протянул Марк следом за Любой.

– Хорошо! Свободнее, рот шире открывайте! А-о-а-о-о! – на полтона выше пропела она.

– А-о-а-о-о! – уже покорно повторял Марк.

– Прекрасно! Главное в этом деле – правильно брать дыхание. Связки – это мускулатура, подвергается, как и любая мускулатура, тренировке. Конечно, природа у всех разная, но научиться петь может каждый! Что касается дыхания... – в Любе уже, как показалось Марку, включилась программа «училка», она пошла по накатанной схеме.

«Ничего, – подумал он, – полчаса продержусь».

– О чем вы думаете, Марк? – в голосе Любы звучала бронза. – Я говорю – дыхание! Крайне важный предмет! Постоянно внушаю это своим студентам. Мужчина дышит грудью и животом, а женщина, в связи с физиологическими особенностями, только грудью! Давайте, пожалуйста, Наталья Львовна!

Та заиграла, Люба запела, Марк, потерявший волю к сопротивлению, тоже. Неожиданно Люба положила свою руку на живот Марка, а его руку взяла и бесцеремонно положила себе на низ живота. Через тонкую ткань он почувствовал вибрации от звучащего ее голоса. В глазах у него помутнело... Тонкая ткань позволяла ощущать изгибы и выпуклости того, что было у него под ладонью, да это еще и дрожало... Все дальнейшее происходило как в тумане. Плоть протестовала против того, что нужно было в этот момент извлекать еще и звуки. По спине потекли струйки пота. Люба уже отошла, но ладонь все помнила. Ему хотелось, конечно, в силу своего мудацкого характера попросить повторить упражнение. Вместо этого приходилось пропевать гаммы, следуя за игравшей уже с удовольствием Натальей Львовной. Экзекуция продолжалась не менее сорока минут. Марк даже устал, когда Люба наконец сказала:

– Ну, хорошо, на сегодня хватит. Как вам ученик, Наталья Львовна?

– Вы знаете, я удивлена, хорошо, достаточно чисто... Вы раньше занимались, Марк?

– Нет... не доводилось.

– Может, в этом-то и дело... – она вопросительно посмотрела на Любу.

– Распелись, – кивнув в ее сторону, сказала та, – Марк, вы какой-нибудь романс знаете? Терять ему уже было нечего.

– «Утро туманное»...

– Вот и отлично, в какой тональности?

Марк сделал страшные глаза, демонстрируя свою полную неготовность к ответу.

– Давайте отсюда попробуем, – Люба нажала одну из клавиш.

– Давайте, – Наталья Львовна начала играть, – подойдет?

– Я не знаю, давайте попробуем, – Марку было уже все равно, пришел какой-то кураж.

Он запел: – Утро туманное, утро седое.

Концертмейстер одобрительно кивала и аккомпанировала. Ее явно забавляло происходящее.

– Нивы печальные, снегом покрытые, – продолжал вытягивать Марк.

Так они прошли с небольшими остановками весь романс, и в конце концов Люба сказала:

– Все, можно сказать, что неплохо!

– Вот спасибо! – Марк искренне обрадовался, что экзекуция подошла к концу. –

Теперь в ресторан.

– Это не все, – сказал Саня, глумливо развалившись в кресле, где до этого сидела Люба.

– Что же еще? – недоумевал Марк.

– Это первая часть подарка... – Люба снисходительно смотрела на него. – Завтра у вас, Марк, урок в консерватории у Зураба Соткилавы, это наш главный подарок!

– Нет! Ни в коем случае! Вы что, сдурели?! Какой, на хрен, Соткилава? Никуда я не пойду.

– Марк, – голосом, не терпящим возражений, произнесла Люба, – заслуженный артист Советского Союза, солист Большого театра, профессор консерватории вас ждет, а вы... некрасиво. После урока завтра и поужинаем.

Сил протестовать у Марка не было, спина была мокрая, ноги дрожали, да и ладонь горела...

На следующий день Марк был сам не свой. С тем, как неотвратно приближалось назначенное время, ему становилось все страшнее. Он не помнил, чтобы ему вообще в жизни было так страшно. Тем не менее он приехал к памятнику Чайковского на полчаса раньше и топтался у ног великого композитора, будто тот мог помочь или дать освобождение от урока. Приехал Саня.

– Пошли... готов? – спросил он. – Да не робей ты, – видя совершенно разобранного своего друга.

Люба ждала внизу у входа. На ней была белая блузка.

«Как бомбистка из девятнадцатого века, – подумал Марк, – Софья Перовская, блин...» Ему действительно было страшно. Неожиданно идущая впереди Люба обернулась к нему, посмотрела на его бледное лицо и, ничего не говоря, взяла за руку. Кисть ее с ярко накрашенными ногтями была большая, крепкая и холодная. Она вела его по коридорам консерватории, как на заклинание, так ведут детей к зубному врачу, агнца к жертвенному камню, бычков на кастрацию. Из-за многочисленных дверей слышались голоса абитуриентов, певших невероятно, красиво и уверенно. Смелости все это не добавляло. Люба с безвольным Марком и семенившим за ними Александром подошли к одному из кабинетов, из-за которого слышно было, как голосит какой-то тенор что-то на итальянском языке, Люба решительно открыла дверь, из-за которой на них обрушился звуковой шквал. За инструментом сидела очаровательная блондинка средних лет, на одном из стульев у стены сидел Соткилава, сложивший руки на груди, и покачивался в такт музыке, выпевал же молодой кучерявый человек в очках. Он очень старался. Соткилава показал рукой, чтобы мы садились. Юноша закончил, они договорились о следующем уроке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.